

18+

Михаил Мясников

Стальной орган

Михаил Мясников

Стальной орган

«Издательские решения»

Мясников М.

Стальной орган / М. Мясников — «Издательские решения»,

Лето 1941 года. Разгромленные части Красной Армии откатываются на восток под ударами вермахта. В этом хаосе появляется новое оружие — секретная боевая машина БМ-13, которую солдаты с любовью прозвали «Катюшей». Эта история о судьбе одного экипажа гвардейских миномётов, прошедшего через ад самых страшных битв Великой Отечественной войны: от первого огненного крещения под Оршей до переломной Курской дуги и операции «Багратион».

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Стальной орган

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-8020-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Лето сорок первого пахло гарью, пылью и отчаянием. Дорога на восток представляла собой пульсирующую артерию отступления, забитую до отказа. Смешавшись в единый ревущий поток, по ней текли остатки разбитых частей, гражданские повозки с жалким скарбом, стада брошенного скота и бесконечная вереница беженцев. Над всем этим висела жирная пыль, поднятая тысячами ног и колес, которая смешивалась с черным дымом от горящих полей и разбомбленной техники.

Старший лейтенант Волков остановил свой полуторок у обочины, пытаясь пропустить колонну раненых, которую везли на телегах, накрытых плащ-палатками. Лицо его было серым от пыли и усталости. Он только что выбрался из штаба армии, где царила такая же суматоха, как и здесь, но сдобренная запахом карболки и папиросного дыма. Приказ пришел странный: «Принять под командование секретную технику. Выдвинуться в квадрат... занять позицию и ждать команды». Что за техника — не объяснили. Сказали лишь беречь её пуще глаза.

— Ну и бардак, товарищ командир, — хрипло произнес сидевший рядом сержант-артиллерист, глядя на толпу людей, бредущих вдоль дороги. — Немец-то прет, как по маслу. А нам даже зацепиться не за что. Где наша авиация? Где танки? Волков промолчал. Ответа у него не было. Он видел немецкие самолеты. Они появлялись внезапно, выныривая из-за верхушек деревьев или облаков, делали один прицельный заход и уходили, оставляя после себя горящие грузовики и воронки, в которых смешались земля, кровь и железо. Советских истребителей он не видел уже неделю.

Наконец они свернули на едва заметную лесную дорогу. Здесь было тише. Лес жадно глотал звуки войны, пряча их в своей густой тени. Через километр дорога вывела их на большую поляну. И то, что увидел Волков, заставило его на секунду усомниться в собственном рассудке.

На поляне стояли машины. Но это были не привычные трехдюймовки или зенитки. Это были тупоносые, угловатые шасси ЗИС-6, на которых сверху была установлена рама. Шестнадцать длинных рельс-направляющих, сваренных вместе, смотрели в небо под углом. Конструкция выглядела одновременно грозной и какой-то инопланетной, неуместной в этом белорусском лесу. Рядом сустились люди в форме артиллеристов, маскируя ветками эти странные установки.

К машине подошел капитан в пропыленной фуражке. Его лицо было жестким и сосредоточенным. — Капитан Флеров, — представился он, козырнув. — Вы вовремя. Разгружайте боеприпасы и представьте мне своих людей. Времени нет совсем.

Волков прыгнул на землю. К машинам уже подъезжали другие полуторки со снарядами. Снаряды были огромными. Длинные сигары почти полуметровой длины, похожие на гигантские стрелы, лежали в деревянных ящиках-лотках. Вес каждого был около сорока килограммов.

— Вот она какая, «Катюша», — выдохнул кто-то из бойцов расчета Волкова, разглядывая установку. — А чего она не стреляет-то? Пушка без ствола...

— Это не пушка, братцы, — раздался спокойный голос. К ним подошел высокий худой парень в очках с разбитой линзой, перетянутый через плечо портупеей. Аркадий, штатский математик, прикомандированный к батарее для расчетов баллистики. — Это реактивный снаряд. Пороховые газы выталкивают его из трубы, а затем включается собственный двигатель. Принцип ракеты. — Тьфу ты, чертовщина какая, — сплюнул пожилой заряжающий Петро. — Как же мы эту дуру в трубу запихивать будем? Она ж длиннее меня! — Запихаем, — уверенно сказал второй заряжающий, молодой Санёк. — Куда деваться. Лишь бы бабахала погромче.

Работа закипела. Расчеты споры выгружали ящики, устанавливали машину точно по уровню, используя домкраты и бревна. Аркадий, вооружившись логарифмической линейкой

и картой-двухверсткой, быстро делал расчеты. — До цели шесть километров двести метров, — доложил он командиру батареи. — Угол возвышения нужен двадцать градусов. Азимут... ориентир вон та кривая сосна. Флеров кивнул. Наводчики начали крутить штурвалы вертикальной и горизонтальной наводки, направляя пакет рельсов в нужную сторону.

Внезапно все замерли. Из-за леса, со стороны шоссе, донесся нарастающий гул множества моторов. Не авиационных, а танковых и автомобильных. Немцы. Они были близко, гораздо ближе, чем ожидалось. Гул приближался, становясь оглушительным.

— Занять места! — тихо скомандовал Флеров. — Приготовиться к пуску! Расчеты бросились к установкам. Заряжающие, кряхтя, начали поднимать тяжелые снаряды. Первый пошел. Щелчок электрического контакта. Второй. Третий... Санёк работал как заведенный, его гимнастерка моментально промокла от пота. Степан, механик-водитель, сидел за рычагами, готовый рвануть с места сразу после залпа. Мотор урвал на холостых оборотах.

Гул немецких колонн стал невыносимым. Казалось, еще минута — и они вырвутся из леса прямо сюда. — **Ориентир — кривая сосна!** — крикнул Флеров, припав к визиру. — **Дальность — шесть двасот!** Аркадий дрожащими руками проверил контакты последней ракеты. — Цепь собрана! Готовность полная! Капитан Иван Флеров медленно снял защитный колпак с кнопки электрозапуска. На поляне воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием людей и треском цикад, которым не было дела до войны. Он посмотрел на своих бойцов. Лица черные от пороховой гари и напряжения. Мальчишка-заряжающий шепчет молитву. Студент-математик кусает губы. Старый солдат крестится.

Флеров нажал кнопку.

Мир взорвался. Первая ракета с оглушительным шипением и ревом вырвалась из трубы, оставив за собой ослепительный хвост пламени. За ней вторая, третья... Поляну мгновенно заволокло густыми клубами едкого белого дыма. Установка затряслась так, будто собиралась развалиться на части. Шестнадцать «эр-эсов» ушли в небо одна за другой в течение нескольких секунд, превратившись в сплошную стену огня и звука. Воздух наполнился пронзительным свистом, который заглушил всё живое.

Это был не просто взрыв. Это был рев раненого исполина. Страшный, утробный вой, от которого стыла кровь в жилах.

Как только последняя ракета покинула направляющую, Степан врубил передачу. — **Пошли! Пошли!** — заорал Флеров. Машины, ломая мелкий кустарник, рванули с поляны вглубь леса. Они успели отъехать всего пару километров, когда сзади, там, где проходила дорога на Оршу, небо озарилось багровым заревом. Земля дрогнула под ногами даже здесь. Это был звук возмездия. Звук, который позже бойцы назовут «игрой Сталина на органе».

Когда машины остановились в следующей лощине и заглушили двигатели, над лесом стояла звенящая тишина. Только издалека ветер доносил приглушенные хлопки детонирующих боеприпасов немецкой колонны. Санёк, бледный как полотно, повернулся к Аркадию: — Ну что, студент... посчитал свою баллистику? Моща-то какая... Мамочки.

Никто не ответил. Все молча смотрели назад, туда, где только что родился новый бог войны.

Санёк всё ещё трясущимися руками пытался прикурить самокрутку, просыпая половину махорки на грязный ватник. Степан молча протянул ему зажжённую спичку, защищая пламя от лёгкого ветерка, гулявшего по лощине. Двигатель остывал, издавая глухое металлическое «тик-так».

— Это что ж такое было-то? — наконец выдохнул Санёк, выпуская густой клуб дыма. — Я думал, сама земля расколется. Как там фрицы... не знаю, живы ли остались?

Старший лейтенант Волков, который до этого напряжённо вслушивался в звуки леса, повернулся к Аркадию. Тот сидел прямо на снарядном ящике, обхватив голову руками, словно пытаясь удержать разбегающиеся мысли. — Аркадий, ты же у нас учёный человек. Объясни

бойцам, чем это мы их так угостили. И главное — кто командовал этим адским оркестром? А то я сам толком не понял, пока бежал.

Волков слушал этот технический диспут, прислонившись спиной к колесу. Он видел, как напряжение постепенно отпускает бойцов. Разговоры отвлекали их от мыслей о том, что они только что сотворили с теми людьми на дороге. — Гениально или нет, студент, — прервал он Аркадия, доставая из планшета карту, — а нам отсюда надо убираться. Немцы сейчас очухаются, вызовут авиацию. Они этот концерт просто так не оставят. Степа, заводи. Сейчас пойдем лесом на запасную позицию. Аркадий, рассчитай маршрут так, чтобы нас с воздуха не видно было. Петро, Санёк — проверить укладку оставшихся боеприпасов. Нам приказано быть готовыми к повторному залпу через час.

Бойцы засуетились, возвращаясь к привычным действиям. Страх перед неизвестным оружием сменился профессиональной сосредоточенностью. Они были экипажем боевой машины, и у них снова появилась работа. Аркадий склонился над картой с компасом, бормоча себе под нос цифры. Степан со щелчком переключил передачу. Где-то высоко в небе послышался далекий гул — немецкий самолет-разведчик начал прочесывать район в поисках источника того огненного шквала, что обрушился на их колонну. Машина дернулась и медленно поползла вперед, ломая сухие ветки и оставляя за собой лишь примятую траву да едкий запах выхлопных газов, который скоро растворился в чистом воздухе соснового бора.

Машина, переваливаясь на корнях и ухабах, медленно ползла по лесной просеке. Гул немецкого самолета-разведчика, который они слышали с поляны, давно стих, сменившись монотонным ревом их собственного двигателя и хрустом веток под колесами.

— Экспериментальная, говоришь? — переспросил Санёк у Аркадия, пытаясь перекрыть шум мотора. Он сидел в корме машины, привалившись к ящикам со снарядами, которые они не успели израсходовать. — Это что ж, мы тут как кролики подопытные? Нам выдали технику, которая сама может взорваться?

Аркадий, которому Волков приказал сидеть рядом для прокладки маршрута по карте, обернулся. Его лицо было серьезным, без тени обычной насмешливости. — Не так всё просто, Саша. Батарея капитана Флерова — первая в мире часть реактивной артиллерии такого масштаба. До этого были опыты, были маленькие установки, но чтобы вот так... шестнадцать направляющих на одной машине... Это совершенно новое тактическое оружие. Никто толком не знал, как оно поведет себя в реальном бою. Как выдержит шасси отдачу (хотя её и нет в классическом понимании), как сработает электрозапуск в полевых условиях, насколько точным будет залп. Поэтому — **экспериментальная**. Мы пишем историю прямо сейчас. И да, риск огромный. Но и эффект... Он замолчал, вспоминая стену огня над дорогой.

Волков, до этого молча куривший самокрутку, стряхнул пепел за борт и вступил в разговор: — Аркадий прав. Нас сюда прислали не просто так. В штабе сидели умники, которые эти железяки чертили. А нам приказали проверить их расчеты своей шкурой. И судя по тому, как фрицы там плясали, расчеты верные.

Степан, крутивший баранку и слушавший одним ухом, хмыкнул: — Да уж, представил. Я этот объем своими зубами прочувствовал, когда машина прыгнула.

Тут уже не выдержал и сам Волков. Он повернулся к Аркадию и задал вопрос, который мучил многих танкистов и артиллеристов старой школы: — Слушай, студент, ты мне одно скажи. Почему конструкция такая дурацкая? Трубы эти открытые... Ни тебе замка затворного, ни противооткатных устройств. Обычную пушку после выстрела откатывает, её потом снова наводить надо. А эта... стоит как вкопанная. Это же неправильно! Где законы механики?

Аркадий улыбнулся. Вопрос был классическим, и ответ на него лежал в самой сути нового оружия. — Именно поэтому, товарищ старший лейтенант! В этом вся гениальность простоты. У классической пушки энергия пороховых газов тратится на разгон снаряда в стволе, а остаточное давление создает ту самую силу отдачи, которую гасят тормоза отката. А здесь...

Здесь принцип другой. Реактивный. Снаряд М-13 имеет собственный ракетный двигатель. Он разгоняется *уже вылетев* из трубы, за счет тяги этого двигателя. Давление газов внутри направляющей падает практически сразу после выхода снаряда. Нет высокого давления — нет и значительной отдачи в обратном направлении. Вся сила толкает снаряд вперед, а не пушку назад.

В кабине повисла тишина. Бойцы переваривали услышанное. Машина выбралась из леса на проселочную дорогу. Впереди, километрах в пяти, виднелась небольшая деревня. Там была назначена новая точка сбора. — Выходит, — задумчиво протянул Петро, — мы теперь не пушкари. Мы, получается, ракетчики? — Выходит, так, отец, — кивнул Волков, сворачивая карту. — Первые советские гвардейские минометчики. И дай бог, не последние. Степа, прибавь газу. Надо успеть занять позицию дотемна.

Машина, нутужно ревя мотором, выбралась из леса и покатила по проселочной дороге. Впереди, за полем, виднелись темные силуэты деревенских изб — их новая временная база.

— Слышь, Аркадий, — подал голос Санёк, который уже оправился от первого шока и теперь с профессиональным интересом разглядывал остывающую раму. — А эта штука... она ведь не идеальная, да? Ну не может быть такого, чтобы всё сплошь плюсы были. Вон, Степа говорил, зубы клацнули. Это раз. А что ещё?

Аркадий, до этого погруженный в свои мысли, усмехнулся уголком рта. Он ценил любознательность, особенно когда она касалась его любимой механики. — Молодец, наблюдательный. Конечно, не идеальная. Любое оружие — это компромисс. У «Катюши» есть свои... особенности. И недостатки выявились очень быстро, прямо в первые недели боев.

Волков, молча слушавший разговор, кивнул. Он как командир видел эти проблемы не с теоретической, а с самой что ни на есть практической стороны. — Давай, студент, выкладывай, — сказал он. — Только давай без зауми. Чтоб бойцы понимали, с чем дело имеют.

— Хорошо, — согласился Аркадий. — Самый главный недостаток вытекает из её главного достоинства. **Точность.** Вернее, её отсутствие при стрельбе одиночными снарядами или малыми группами. Залп из всех шестнадцати труб создает такую плотность огня, что промахнуться сложно. Но если нужно попасть в конкретный блиндаж или танк... Наша задача — площадные цели: скопления пехоты, колонны на марше, артиллерийские позиции. По точечной цели мы работаем как кувалдой по комару.

— Это точно, — проворчал Волков. — Приказ был накрыть дорогу. Мы накрыли. Полкилометра дороги в огне. Отличный результат. А если бы надо было один штабной автобус поджечь? Пришлось бы весь лес спалить.

— Второй момент, — продолжил Аркадас, воодушевленный вниманием слушателей. — **Дым.** Вы видели эту завесу после залпа? Она демаскирует нас так, что слепой увидит. Огромное облако дыма и пыли поднимается над позицией. Немцам даже авиаразведка не нужна. Они по этому дыму сразу понимают, где мы. Поэтому наша главная тактика после выстрела — немедленно покинуть позицию. Отсюда и прозвище «адская мясорубка» для нашего дивизиона. Стреляем и бежим.

Степан, крутивший баранку, хмыкнул: — Да уж, бегать я за сегодня намотался. Машина-то не гоночная. Тяжёлая, неповоротливая. Пока развернешься на поле...

— Именно! — подхватил Аркадий. — **Мобильность.** Шасси грузовика ЗИС-6 перегружено. На хорошей дороге еще ничего, а вот по грязи или разбитому проселку — беда. Застрясть на огневой позиции — верная смерть. Артиллерия противника работает по квадратам очень быстро.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями. — Есть еще одна проблема, о которой вслух говорить не любят. **Безопасность экипажа.** Конструкция открытая. Ракета — вещь капризная. Если при погрузке повредить стабилизатор или уронить снаряд... Или если произойдет осечка, и снаряд застрянет в трубе... Детонация одного снаряда вызовет цепную реакцию всего

пакета. Батарея просто исчезнет. Взрыв будет такой силы, что воронка останется метров десять глубиной. Поэтому заряжающие работают в темпе, но аккуратно. Никаких рывков.

В кабине снова повисла тяжелая тишина. Бойцы переваривали услышанное. Каждый представил себе этот последний, ослепительный миг. — Ну и последнее, — тихо добавил Аркадий. — **Зависимость от времени.** Подготовка к залпу занимает время. Нужно выйти на позицию, замаскироваться, произвести топопривязку, рассчитать данные, зарядить установки. Это не пулемет, который можно развернуть за минуту. Нас спасает только фактор внезапности и скорость ухода с точки. Если немцы успеют зажать нас огнем раньше, чем мы выстрелим...

Он не закончил фразу, но все и так поняли. Машина въехала в деревню и остановилась у большого сарая на окраине. Волков выпрыгнул из кабины и с хрустом потянулся. — Всё верно говоришь, Аркаша, — громко сказал он, обводя взглядом свой расчет. — Оружие новое, грозное, но с характером. Как молодая кобыла: необъезженная, мощная, но чуть что не так — лягнет насмерть. Так что слушать меня беспрекословно. Зарядили — стреляем. Отстрелялись — заводи, Степа! Вопросы есть? Вопросов не было. Была работа.

Сарай, в котором они укрылись, пах старой соломой, навозом и пылью. Это был запах временного убежища, мимолетной безопасности в мире, пропахшем гарью. Бойцы батареи капитана Флерова, грязные и уставшие до дрожи в коленях, наконец-то получили возможность перевести дух.

Степан заглушил двигатель, и наступившая тишина показалась оглушительной. В ней было слышно лишь тяжелое дыхание людей да писк комара где-то под потолком.

— Ну что, живы? — хрипло спросил Волков, обводя взглядом свой расчет. Он не ждал ответа. Ответ был написан на их лицах — бледных, с дорожками грязи и пота. — Потери есть?

Все молча переглянулись. Санёк машинально потер ушибленное при рывке машины плечо, но кивнул: — Никак нет, товарищ старший лейтенант. Все целы. Только вот... штаны мокрые у всех, наверное.

Раздался короткий, нервный смешок Петро. Напряжение медленно отпускало, сменяясь звенящей пустотой и осознанием того, что они только что сделали.

— Немецкого огня по нам не было, — доложил Волков, вытирая рукавом лоб. — Они явно не ожидали. Пока очухались, пока сообразили, откуда лупануло... А мы уже были далеко. Аркадий, ты как? Цел? Руки-ноги на месте?

Аркадий сидел на ящике из-под снарядов, бессмысленно вертя в руках свою логарифмическую линейку. Он поднял глаза на командира. Взгляд его был совершенно безумным. — Я... я видел расчеты. На бумаге. Моделировал зоны поражения. Но это... это совсем другое. Там была колонна. Грузовики, танки... И вдруг — ничего. Просто стена огня. Как будто гигантский напалм разлили. Земля горела. Крики... Их крики даже отсюда было слышно, сквозь рев. Он замолчал, глядя перед собой невидящим взглядом. — Ты сделал свою работу, студент, — жестко, но без злобы сказал Волков. — Сделал её отлично. Благодаря твоим цифрам мы положили снаряды точно в цель. Если бы промазали на полкилометра, эффект был бы не тот. Так что отставить панику. Мы не мясники. Мы артиллеристы. Наше дело — уничтожать врага. И сегодня мы это сделали эффективно.

Волков прошелся по сараю, выглянул в щель между досками. — Теперь главное — панику не допустить здесь. У нас преимущество внезапности исчерпано. Сейчас немцы поймут, с чем имеют дело. Начнут охоту. Авиация будет прочесывать квадраты, артиллерия бить по площадям, где может спрятаться такая установка. Наша главная защита теперь — скорость и маскировка.

В этот момент снаружи послышался шум мотора. Все замерли, схватившись за оружие. Двигатель заглох, раздался голоса. — Свои! — крикнули снаружи с характерным оканьем. — Не стреляй, пехота!

Дверь сарая со скрипом отворилась, впуская клубы пыли и несколько бойцов в пыльных гимнастерках. Впереди шел младший лейтенант, судя по знакам различия — пехотинец. Вид у него был ошалевший. — Здорово, артиллеристы! — выдохнул он, увидев установку БМ-13. — Вы, что ли, тут концерт устроили? За лесом земля ходуном ходила!

— Допустим, мы, — спокойно ответил Волков. — Чего надо, пехота? У нас приказ сидеть тихо. — Да какой там тихо! — взмахнул рукой лейтенант. — Мы же видели! Вы ж им всю колонну раскатали! Там ад был! Мы думали, новое секретное химоружие применили. Половина фрицев в пепел, остальные кто куда... Паника у них полнейшая! Бегут, бросают технику! Такое нельзя в тайне держать! Нам бы огоньку подбросить туда, левее километра на два! Там их вторая волна идет, резерв! Придавите их, а мы уж штыком добьем! Христом Богом прошу!

Лейтенант говорил сбивчиво, глотая слова. Его трясло от возбуждения и остаточного страха. Он только что видел смерть, которую принесли эти странные машины, и теперь жаждал повторения этого чуда для спасения своей жизни и жизней своих солдат.

Волков посмотрел на него тяжелым взглядом. Он понимал искушение. Один залп мог действительно переломить ситуацию на этом участке фронта, спасти остатки пехотного батальона. Но он также знал цену ошибки. — Нет, лейтенант, — твердо сказал он. — Не могу. Приказ у меня строгий: один залп с позиции — и смена дислокации. Я не знаю, где сейчас немецкие корректировщики. Может, твой батальон уже под прицелом их гаубиц. Стоит мне дать второй залп отсюда — через пять минут от нас и от вас останется одна большая воронка. Извини.

Пехотинец осекся. Надежда в его глазах погасла, сменившись горьким разочарованием. — Значит, помирать нам тут... — глухо произнес он. — Держитесь, пехота, — отрезал Волков. — Ваша война — здесь. А наша... наша еще впереди. Степа, заводи машину. Уходим.

Машина, подскакивая на ухабах, уходила всё дальше в лес. Гул двигателя и треск ломаемых веток постепенно заглушили звуки передовой. Санёк, сидевший сзади, ещё долго молча смотрел назад, туда, где осталась пехота.

— Жёстко ты с ним, командир, — наконец нарушил тишину Аркадий. Он говорил негромко, но в тесной кабине его было хорошо слышно. — Лейтенант же не для себя просил. Для людей. Один залп мог бы спасти их батальон.

Волков, который до этого сосредоточенно всматривался в дорогу через лобовое стекло, медленно повернул голову. В полумраке кабины его лицо казалось высеченным из камня. — Спасти? — переспросил он с горькой усмешкой. — Или убить всех разом? Он достал кисет и начал неторопливо скручивать самокрутку, давая себе время подобрать слова. — Ты думаешь, я не понимаю? Думаешь, у меня сердце не ёкнуло? Но я — командир батареи, а не добрый волшебник. У меня есть устав, боевой приказ и понимание тактики противника. И это понимание говорит мне: второй залп отсюда был бы самоубийством.

Степан, крутивший баранку, кивнул, не отрывая взгляда от дороги: — Немец не дурак, студент. Он уже понял, что по нему ударило. Сейчас его авиаразведка ищет источник дыма. А если не найдёт быстро, начнёт бить артиллерией по квадратам. По всем лесным опушкам, где можно спрятать такую дуру. — Именно, — подтвердил Волков, прикурив. Огонек спички на секунду осветил его усталые глаза. — Мы дали один залп. Громкий, эффектный. Нас засекли. Точно или примерно — неважно. Они знают район. Что сделает грамотный немецкий офицер? Вызовет «штуки» или поставит заградительный огонь тяжелой артиллерии. Им даже попадать не надо. Достаточно положить снаряды вокруг, чтобы мы не могли уйти. Наша машина весит пять тонн. От прямого попадания гаубицы она испарится вместе с нами. Это раз.

Аркадий слушал, опустив голову. Логика командира была железной, холодной и безжалостной. — Во-вторых, — продолжал Волков, выпуская дым в приоткрытое окно, — наша главная сила — в мобильности. «Катюша» должна быть кочующей. Ударил — убежал. Пока они прочухают и начнут отвечать, нас уже след простыл. Если мы нарушим этот принцип ради

одного, пусть даже очень нужного залпа, мы потеряем всю батарею. Шесть машин. Почти сто человек личного состава. Уникальное оружие. Слышишь, Аркадий? Сто человек. Это цена одного необдуманного решения. Я не готов её платить.

В машине снова стало тихо, только урчал мотор да шуршали шины по лесной дороге. — А лейтенант... — голос Волкова смягчился совсем чуть-чуть. — Лейтенант поймет. Может, не сейчас, когда страх смерти глаза застит, а позже. Поймет, что мы просто сделали свою работу по правилам. Спасли себя, чтобы завтра уничтожить не одну колонну, а десять. Чтобы дожить до того дня, когда мы будем лупить по Берлину. Война, ребята, это не кино про героев-одиночек. Это математика. Расчет рисков. Сегодня мы пожертвовали шансом помочь одной части, чтобы сохранить боеспособность всей нашей армии завтра.

Машина выехала на более-менее ровную просеку. Впереди показалась небольшая поляна, пригодная для разворота. — Степа, притормози, — приказал Волков. Он сверился с картой. — Здесь расходимся. Основная группа уходит севернее, к болотам. Там их точно искать не будут. А мы... нам нужно найти новую позицию для наблюдения. Аркадий, доставь буссоль. Будем определять координаты для следующего удара. И дай-ка мне еще щепоть табаку. Ночь будет долгой.

Бойцы зашевелились, возвращаясь к привычным действиям. Паника отступила, вытесненная суровой необходимостью выживания и выполнения приказа. Они были солдатами, и у них снова появилась цель.

Полуторка, натужно ревя мотором на подъёме, наконец выбралась из низины и остановилась у кромки леса. Двигатель чихнул пару раз и затих. В наступившей тишине стало слышно, как остывает металл и где-то вдалеке, за горизонтом, глухо бухает канонада.

— Приехали, — констатировал старший лейтенант Павел Волков, спрыгивая с подножки на землю. Он потянулся, хрустнув суставами, и оглядел поляну. — Так, бойцы, выгружаемся. Степа, глуши мотор совсем. До вечера мы здесь.

Из кузова начали выпрыгивать остальные члены расчета. Первым на землю соскочил механик-водитель Степан — огромный, широкий в кости мужик лет тридцати пяти, с простым, открытым лицом и руками, которые казались размером с совковую лопату. Он обошел машину кругом, деловито пнул сапогом переднее колесо и полез под капот, что-то бормоча себе под нос.

Следом, чуть не упав при прыжке, приземлился Аркадий. Высокий, худой, сутулый, он поправил съехавшие набок очки с треснувшим стеклом и сразу же начал отряхивать свой уже изрядно запыленный командирский плащ. Вид у него был совершенно не военный, а скорее профессорский, если бы не винтовка СВД за спиной.

Последними, шумно переговариваясь, спрыгнули заряжающие. Это были два паренька, которым на вид нельзя было дать и восемнадцати лет. Санёк — щуплый, юркий, с озорными глазами, казалось, не мог стоять на месте ни секунды, постоянно вертя головой по сторонам. Петро — его полная противоположность: плотный, медлительный, с серьезным взглядом человека, который повидал больше, чем положено в его возрасте.

Волков закурил самокрутку, наблюдая за ними. Он видел этот экипаж впервые, их собрали вместе всего три дня назад в учебном лагере под Москвой, но ему нужно было понять, кто чего стоит, прямо сейчас.

— Ну что, орлы, познакомились? — хмыкнул он, когда все собрались вокруг кабины. — Давайте знакомиться по-настоящему. Я — старший лейтенант Волков, ваш командир батареи. Про Финскую войну слышали? Там научился главному правилу: хочешь жить — слушай командира беспрекословно. Кто думает своей головой без приказа — тот покойник. Ясно? Бойцы молча кивнули.

Он перевёл взгляд на Аркадия: — Тебя мне представили как главного умника. Наводчик. Фамилия? — Аркадий... э-э-э... Зильберман, товарищ старший лейтенант. Бывший сту-

дент-физик третьего курса МГУ. — Студент, значит, — Волков смерил его оценивающим взглядом. — Баллистику свою знаешь? Углы там, поправки на ветер считать умеешь? Аркадий выпрямился, насколько позволяла сутулость, и посмотрел командиру прямо в глаза. — Уравнения движения тела в поле тяготения с учетом сопротивления воздуха — это база, товарищ командир. А баллистика реактивного снаряда имеет свои нюансы, связанные с работой ракетного двигателя после выхода из ствола... — Ствола? — перебил его Волков, усмехнувшись. — Ты эту дуру «стволом» не называй. Направляющая. Или рельса. Понял меня, физик? Чтоб я этого слова больше не слышал. Задача твоя простая: рассчитать угол так, чтобы снаряд лег в цель, а не к нам в окоп. Справишься? — Так точно! — уверенно ответил Аркадий.

Командир повернулся к Степану. Механик стоял, опершись огромным плечом о крыло машины, и спокойно жевал травинку. — Степа, ты у нас главная движущая сила. Как агрегат? Степан неторопливо сплюнул травинку. — Агрегат зверь, Павел Иванович. ЗИС-шестой. Урал делал, качественно. Масло только жрет, зараза, как верблюд воду. Но тянет исправно. Из любой грязи вытащит. Вы главное руль крепче держите, чтоб не болтало сильно. Волков удовлетворенно кивнул. На механика можно было положиться. Было в этом уральском гиганте какое-то первобытное спокойствие и уверенность в своей машине.

Наконец, взгляд командира остановился на заряжающих. — Ну а вы, соколы ясные, откуда будете? Вас как звать-величать? Санёк тут же сделал шаг вперед, улыбаясь во весь рот: — Красноармеец Александр Петров! Можно просто Санёк! Я доброволец! Петро толкнул его локтем в бок и пробасил: — А я Петр Сидоров. Доброволец тоже. Мы с ним из-под Калуги. Вместе записывались. Волков внимательно посмотрел на этих мальчишек. Совсем еще дети. В глазах азарт и страх одновременно. Им бы за девками бегать да экзамены сдавать, а они будут таскать сорокакилограммовые «гостинцы» для фрицев. — Заряжающий — работа тяжелая, — медленно проговорил он. — Не столько физически, сколько нервно. Ошибка — и всё. Поминай как звали. Справитесь? Санёк лихо козырнул: — Так точно, товарищ командир! Для победы над фашистской Германией готовы трудиться день и ночь! Петро лишь серьезно кивнул, шмыгнув носом.

Волков докурил самокрутку, щелчком отправил окурочек в кусты и хлопнул в ладоши. — Вот и познакомились. Значит, так, экипаж. Мы теперь одна семья. Один за всех и все за одного. Аркадий считает, Степа везет, вы двое заряжаете, а я команду. И если мы сработаемся, то у нас есть шанс дожить до Победы. Вопросы есть? Нет вопросов. Тогда за работу, бойцы. Маскировать технику. Степа, проверь уровень масла ещё раз. Аркадий, со мной на рекогносцировку местности. Санёк, Петро — веток побольше натаскайте, живо!

Волков отошёл в сторону, к кромке леса. Он не курил — табак закончился ещё вчера, а просить у бойцов он считал ниже своего достоинства. Вместо этого он просто прислонился плечом к шершавому стволу сосны и прикрыл глаза, вслушиваясь в звуки лагеря.

Он не просто знакомился с экипажем. Это была привычка, выработанная на Финской: быстрая, жесткая оценка людей, от которых теперь зависела его жизнь. Ему нужно было понять, что за люди оказались под его началом, чего от них ждать в бою: кто сломается, а кто станет опорой. И пока он стоял неподвижно, в его голове складывался четкий психологический портрет каждого.

Аркадий подошёл неслышно, как это умеют делать только штатские, оказавшиеся в армии. Он поправлял очки, сползающие на вспотевшем носу. — Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант? Я закончил предварительный расчёт ориентиров. Если мы развернём установку вон там, у поваленной берёзы, сектор обстрела будет оптимальным.

Волков медленно повернул голову. Взгляд у него был тяжёлый, оценивающий. — Ты умный парень, Аркаша, — без предисловий начал он. Голос был тихим, но в нём звенел металл. — Это я сразу понял. Видно по глазам, по тому, как говоришь. Не суетишься попусту. Но твой главный плюс — это не твоя физика с математикой. Твой плюс — **уверенность**. Когда

ты говорил про свои уравнения, ты не хвастался. Ты констатировал факт. Для наводчика это качество важнее крепких мускулов. В бою, когда вокруг ад, ты должен быть скалой. Знать, что делаешь, и делать это чётко. А вот твой минус... — Волков ткнул пальцем в разбитое стекло очков. — Рассеянность. На войне рассеянные долго не живут. Держи всё при себе. Оружие, карту, личные вещи. И глаза держи открытыми шире, чем уши. Понял?

Аркадий вздрогнул от прикосновения к очкам и кивнул, машинально снимая их и протирая грязным платком.

Из-за машины доносился басовитый смех Степана. Механик-водитель уже успел скинуть гимнастёрку, оставшись в одной нательной рубашке, которая промокла от пота на спине, и деловито возился с какой-то железкой под днищем. — Слышь, студент! — крикнул он. — Подь сюда, поддержи ключ на семнадцать, чтоб не падал!

Волков усмехнулся в усы, наблюдая за этой картиной. Его лицо немного смягчилось. — Степан... — задумчиво проговорил он, скорее для себя, чем для Аркадия. — У него есть одно качество, которое я ценю выше всего. **Надёжность**. Он как этот его ЗИС-шестой. Простой, мощный, предсказуемый. Знаешь, почему я спокоен, когда он за рулём? Потому что знаю точно: если машина может пройти — он её проведёт. Он не будет геройствовать, лезть на рожон или пытаться выжать невозможное. Он сделает ровно то, что нужно, чтобы доставить нас из точки А в точку Б живыми. Его сила — в спокойствии. В нём нет ни капли паники. Это заразительно. Рядом с таким мужиком и сам начинаешь верить, что всё обойдётся.

В этот момент мимо них, пыхтя и переругиваясь, пробежали заряжающие. Санёк волок здоровенную сосновую лапу, которая была явно больше его самого, а Петро пытался отобрать у него ветки помельче, доказывая, что «так маскировка лучше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.